

В мае была отмечена дата, примечательная в истории советской музыки: двадцатилетие со дня первого исполнения Первой симфонии Дмитрия Шостаковича. Вот уже двадцать лет творчество этого высокоталантливого художника, ширясь и развиваясь, привлекает к себе внимание слушателей музыки во всех странах мира. Лучшее, что создал Шостакович, составляет гордость советской культуры. Навсегда будет запечатлен в памяти современников его творческий подвиг — создание Седьмой симфонии, ставшей международным знаменем антифашистской борьбы.

Лучшие дирижеры мира с огромным увлечением исполняли величественную «Ленинградскую симфонию», ощущая в ней музыку правды, света и справедливости.

До крайности обостренно и нервно воспринял композитор тему войны. Переживания военных лет взвинтили его чуткую натуру. Контрасты его музыки стали еще более резкими и кричащими. Эмоции невыразимой боли, образы смерти, словно пляшущей цинический танец на могилах безвижных жертв, запечатлены в страшном по своей концепции фортепианном трио. Аналогичны по настроению некоторые страницы Восьмой симфонии.

Шостакович обладает исключительным композиторским мастерством. Кто из слушателей не поражается его своеобразным звучностям, то ослепляющим холодным бриллиантовым сверканием, то, наоборот, воздействующим крайней скупостью, чистотой и «одинокостью» тембров. Удивляет в его музыке и изобретательность формы, хотя порой кажется нарочитым стремление композитора сочетать в своей музыке традиции старинных классиков с вызывающе дерзкими формальными исканиями.

Новая — Девятая симфония Шостаковича ожидалась с особым интересом.

Кончилась война, отгремели салюты побед, и слушатели ждали от Шостаковича правдивого воплощения тех идей и эмоций, которыми были охвачены его современники, сломившие злейшего врага человечества. Сумеет ли композитор передать эти чувства с той же силой, с какой передал он чувства священной ненависти к врагу, готовности к

Заметки о творчестве Д. Шостаковича

Несколько мыслей, вызванных Девятой симфонией

борьбе и надежды на победный ее исход?

И вот симфония прозвучала. Не скроем: она оставила двойственное впечатление. Многих музыкантов восхитило в ней то предельное совершенство формы, когда кажется, что каждый звук абсолютно точно выверен, каждая краска, каждый подголосок подчинены мудрой целесообразности. Миниатюрность масштабов, ювелирность, отточенность работы еще более способствовали такому восприятию.

«Симфония-скерцо», то-есть шутка, — так назвал Девятую симфонию один из критиков.

Да, действительно, почти вся первая часть ее кажется шуточной стилизацией в манере старинных классиков: крошечные, архаически упрощенные масштабы, беглая, шаловливая традиционно-классическая ритмика, игрушечная инструментовка с обилием высоких — свистящих и пищущих тембров. В этом проглядывает намеренная «детскость», намеренное подражание смешному, наивному миру ребячьих представлений. Впрочем, по мере своего развертывания веселые, улыбчивые мелодии огрубляются и механизмируются, приобретая в кульминациях крикливый, резко искаженный, грубо шутливый, резко искаженный, грубо шутливый характер. Создается острое и дразнящее сплетение смешного и ужасного, детски наивного и бесчеловечно-механизированного. И вновь безмятежно звучит до крайности упрощенная мелодия-примитив — наиболее запоминающийся образ первой части.

Вторая часть, — как это всегда бывает у Шостаковича, — абсолютно иной мир, иной век, иная атмосфера. Маска снята, сорваны камзол и парик XVIII столетия. Перед нами образ человека, переживающего усталое состояние тоски и меланхолии, мягкого и немного ленивого созерцания. Скромный и бесхитростный одинокий напев кларнета. В этой лирической мелодии звучат человеческая неудовлетворенность и грустная русская певучесть. Лишь в средних эпизодах

грусть уступает место тревожным, сумрачным предчувствиям. Как всегда, замечательно пользуется Шостакович выразительными возможностями чистых оркестровых тембров: его низкие кларнеты поют и декламируют нараспев, как актеры романтической школы, его флейта-пикколо то балагурит и куролесит, как балагурный петрушка, то вдруг философствует или плачет. Каждый инструмент выступает, как актер, играющий свою роль в спектакле. Это обостряет, делает почти зримым восприятие музыки.

Три последующие части слиты в единую текучую линию. Это три состояния, кратко зафиксированные и безостановочно сменяющие друг друга. Но что за сногшибательные, парадоксальные контрасты! Сперва — миниатюрное скерцо, виртуозно-вихревое, вначале пленяющее солнечной мальчишеской резвостью, затем все более сгущающееся под влиянием злого дразнящего начала. Слово бесы зла, выпущенные на волю, хохочут и извиваются в погонях и дикой суете.

Буйно-стремительная энергия скерцо неожиданно глохнет, и перед нами — островок сильной драматической патетики. Мелькают отголоски благородного монолога. Тромбоны и трубы воинственно гремят, словно сзывая всех на тризну. Звучит надгробное слово фагота — проникновеннейший речитив, почти живая человеческая речь. Впервые во всей симфонии слушателю кажется, что Шостакович на мгновение коснулся большой трагической темы. Застывшие органые аккорды покрывают речь трибуна. Чудится сумеречная тишина, атмосфера покоя и торжественности. И тут наступает самое удивительное. Не веря себе, вы убеждаетесь, что пламенный оратор, только что произносивший надгробную речь, вдруг превращается в игриво подмигивающего, хохочущего комика. Именно так воспринимаешь переход от 4-й части к финалу, когда солирующий фагот сменяет патетический монолог на гротескную, лукаво подпрыгивающую темку.

Вновь, как и в 1-й части, мы узнаем в финале интонации и ритмы юмористических страниц Гайдна — Бетховена, взятые почти цитатно, но с явным изломом, гротескным искажением. Отзвуки классической старины причудливо сплетены с оборотами садовой «испанистой» музыки и грубоватых маршей. В этом сплаве разностильных элементов слышатся ритмы шумной улицы, наполненной пестрым гомоном и хохотом толпы. Смех этот, особенно в убыстренном судорожном движении коды (заключения), кажется натушным и спазматическим.

Таково впечатление от этой маленькой пятнадцатой симфонии, которая, согласно странной и вероятно не совсем продуманной информационной заметке ТАСС, якобы посвящалась «торжеству нашей великой Победы».

Возникает вопрос: неужели же это резко кричащее сопоставление гротеска и лирики, «ребячьей» шутливости и подчеркнутой патетики всерьез выражает какие-то глубокие идеи современности?

Некоторые музыканты расшифровывают парадоксальность и условность музыкального содержания Девятой симфонии, как намеренный «маскарад», стремление автора к инсказательности и аллегоричности выражения. Композитор, мол, не любит тирад и торжественных деклараций. Отсюда — его скрытность, боязнь банальности, заставляющая маскировать свои мысли стилизованным нарядом.

Если это объяснение справедливо, то автор явно ударился в другую крайность, ибо за этими масками, шутками и гримасами не ощущаешь горячей идейной убежденности. Остается предположить, что Девятая симфония есть некая передышка, легкая и забавная интермедия среди значительных созданий Шостаковича, временный отказ от больших серьезных проблем ради игровой, филигранно отделанной безделушки.

Но время ли для большого художника ух-

дить в отпуск, на отдых от современной проблематики?

Известно, что двадцатилетний путь Шостаковича не столь уж прост и прямолинеен. В его развитии не раз выявляются сложные противоречия. Ведущая тенденция в его творчестве последнего десятилетия — стремление к высокой идейности и человечности искусства. Ее мы ощущаем в великопечной Пятой симфонии, в лучших страницах квинтета и трио, в гуманистическом содержании Седьмой симфонии.

Другая линия — динический и злой гротеск, тон беспощадного вышучивания и осмеяния, подчеркивание уродств и жестокостей жизни, холодная ирония стилизаций.

В первой, преобладающей для Шостаковича тенденции мы различаем за его спиной тени великих музыкантов прошлого. Тут и Бах, и Мусоргский, и захватывающий до глубины души Чайковский.

Вторую линию, возникшую на закате буржуазного искусства, с наибольшей силой воплотил композитор, также присутствующий среди предшественников Шостаковича. Это — Игорь Стравинский, художник без родины, без веры в передовые, возвышенные идеалы и глубоких этических принципов. От него идет и то увлечение реставраторством далекой музыкальной старины, которое порой раздражает у самого Шостаковича, особенно же у многих его молодых подражателей, и тот язвительный и едкий тон вышучивания либо маскарадно-стилизаторского шукарства, за которым не чувствуешь живой человеческой души и горячих стремлений.

Девятая симфония вызывает опасение в том, что в творчестве Шостаковича глубокий мыслитель-гуманист еще не переборол в себе иронического скептика и стилизатора.

Для целого поколения советских людей, выросших в последнее двадцатилетие, Дмитрий Шостакович — любимый композитор, гордость и надежда. Это поколение верит в Шостаковича, видит в нем выразителя благороднейших идеалов и устремлений, певца жизненной правды. Этой правды оно ждет от композитора в дальнейшем его творчестве.

И. НЕСТЬЕВ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.